

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

UDC 81-13
LBC 81.003

Submitted: 30.03.2025
Accepted: 01.07.2025

CONCEPTUAL CONTENT OF THE CATEGORY OF REFLECTION IN THE SYSTEMIC LINGUISTICS

Olga I. Valentinova

RUDN University, Moscow, Russia

Mikhail A. Rybakov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Contrasting the conceptual content of the category of reflection in G.P. Melnikov's theory of reflection with the system of meanings of the words Slav. *obraz* (*image*) – Latin *fōrma* – Greek τύπος – Greek εἶδος supported the hypothesis expressed about the advanced reflection of a reality that has not yet been mastered by scientific knowledge within the semantic system of the language. A comparative-and-historical research into the semantics of linguistic signs that denote the idea of reflection in Slavic and ancient languages, demonstrated the universal nature of meanings, similar in all people, as figurative units of thinking, which reflect the essential properties of reality. It revealed the deeply motivated (and not involuntarily associative) nature of the connection between sign and meaning, which the founder of modern systemic linguistics G.P. Melnikov insisted on and which fundamentally distinguishes his understanding of semiotic processes from the established ideas in linguistics about the “relationship between the plane of expression and the plane of content”. The research results showed the potential of forming a conceptual system of signs with an open internal form. Being significant for scientific knowledge, it reveals the logic of their relationship and reflects the objective connections of phenomena and processes of physical and non-physical reality. The methodological universality of G.P. Melnikov's theory of reflection was additionally confirmed by clarifying the nature of the relationship between the content of the concept of image in the philosophy of art and in systemic linguistics.

Key words: sign, category, image, concept, system, systemic linguistics, type.

Citation. Valentinova O.I., Rybakov M.A. Conceptual Content of the Category of Reflection in the Systemic Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 6, pp. 116-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

УДК 81-13
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 30.03.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

ПОНЯТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА В СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ольга Ивановна Валентинова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Михаил Анатольевич Рыбаков

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Сопоставление понятийного содержания категории образа в теории отражения Г.П. Мельникова с системой значений слов слав. *образ* – лат. *fōrma* – греч. τύπος – греч. εἶδος поддержало авторскую гипотезу об опережающем отражении семантической системой языка еще не освоенной научным познанием

действительности, которая была выдвинута для верификации идеи Г.П. Мельникова об универсальности отражения в материальной и нематериальной действительности. Сравнительно-историческое исследование семантики языковых знаков, обозначающих идею отражения в славянских и античных языках, продемонстрировало универсальный характер смыслов, подобных у всех людей, как образных единиц мышления, отражающих существенные свойства действительности. Оно вскрыло глубоко мотивированный (а не произвольно ассоциативный) характер связи между знаком и значением, на котором настаивал основатель современной системной лингвистики Г.П. Мельников и который принципиально отличает его понимание семиотических процессов от устоявшихся в языкознании представлений о «соотношении плана выражения и плана содержания». Результаты исследования показали перспективность формирования понятийной системы знаками с открытой внутренней формой, раскрывающей значимую для научного познания логику их соотношения, отражающую объективные связи явлений и процессов физической и нефизической действительности. Методологическая универсальность теории отражения, обоснованной Г.П. Мельниковым теоретически и примененной ученым в системной типологии языка, в данном исследовании дополнительно подтверждена при установлении характера соотношения содержания понятия «образ» в философии искусства и в системной лингвистике.

Ключевые слова: знак, категория, образ, понятие, система, системная лингвистика, тип.

Цитирование. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Понятийное содержание категории образа в системной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 6. – С. 116–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.6.10>

Введение

Статья посвящена обсуждению гипотезы, согласно которой теоретические построения, отражающие в ходе логического рассуждения в системе взаимообусловленных понятий подлинную сущность обсуждаемых явлений, могут предвосхищаться произвольно сложившейся в одном или в нескольких языках системой значений – первичных и вторичных, отражающих не только развитие человеческого познания, но и те объективные закономерности, которые есть в объективной действительности, но еще не осознаны человеком. В фокусе нашего внимания – теория отражения основателя современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, представленная в ряде его работ (см.: [Мельников, 1973; 1977; 1980; 1991]) на фоне семантической истории слов, обозначающих идею отражения в славянских, греческом и латинском языках.

Теория отражения Г.П. Мельникова, представляющая собой фундаментальную часть его системологии [Мельников, 1978], раскрывает свой методологический и прикладной потенциал в разрабатываемой ученым системной теории языка.

В своих рассуждениях Г.П. Мельников исходит из того, что язык, будучи адаптивной, то есть приспособляемой к внешним условиям, системой, обладает, как всякая **адаптив-**

ная система, свойством отражения. В сугубо физических, химических и иных объективных процессах, происходящих в неорганическом мире, Г.П. Мельников видел лишь субстратные явления, предпосылки развития высших форм отражения.

Адаптация соотносится с философской категорией развития в живой и неживой самодвижущейся материи, между которыми отсутствует непроходимая граница. Так, адаптация выступает конкретизацией категории развития и определяется Г.П. Мельниковым как «функциональная эволюция» [Мельников, 1973, с. 189]. По оценке, высказанной С.Ю. Преображенским, «именно специфическая интерпретация того, что было принято называть в диалектическом материализме “отражением”, и позволяла Г.П. Мельникову делать фундаментальное заявление о том, что связь между знаком и значением материализована в намеке, что намек – это не рефлекторная ассоциация, он базируется на мотиве, мотивировке» [Преображенский, 2016, с. 307].

В работе мы экстраполируем теорию отражения Г.П. Мельникова на сопоставление понятийного содержания категории образа с системой соответствующих значений в славянских и античных языках на основе двуязычных и этимологических словарей, а также работ по исторической лексикологии указанных языков (см.: [Дворецкий, 1958; 1986; Преображен-

ский, 1910–1914); [Валентинова, Загуменнов, 2023; Веселитский, 1972; Виноградов, 1999; Карасик, Лешутина, 2024]).

Материал и методы

Материалом исследования послужили этимологические словари русского языка, индоевропейских языков, научные труды по исторической лексикологии и этимологии славянских языков, русского, древнегреческого и латинского языков. В качестве методов используются этимологический, историко-семантический и функционально-семантический анализ лексики, а также общенаучный метод системного анализа сложных объектов.

Результаты и обсуждение

Образ – форма – тип: значение знаков в античных и славянских языках на фоне понятийного содержания омонимичных терминов системной лингвистики

Процесс изменения состояния одного объекта как следствие воздействия на него другого объекта (процесс **отражения**) и результат возникающей в ходе этого процесса деформации отражающего объекта (**образ**) выражаются в русском языке через внешнюю форму (*разж-/раз-*), предвосхищающую и одновременно подтверждающую теоретические размышления Г.П. Мельникова.

Корневые алломорфы (*разж-/раз-*), связь которых обуславливается историческим позиционным чередованием *з//ж*, раскрывает происхождение и значение слова *образ* в славянских языках и, с высокой степенью достоверности, в их общеславянском предке. Можно предполагать образование этого отглагольного существительного с помощью нулевой суффиксации от приставочного глагола **ob-raziti / *ob-rězati*. Значение приставочной праформы **obraziti* можно реконструировать как ‘обрезать, выявить контур’. Это промежуточное звено необходимо для пояснения этимологии, предлагаемой в известном словаре, где слово **obrazь* прямо возводится к простой

глагольной основе **raziti / *rězati* ‘разить, резать, ломать, нарушать’, а его старшее значение в общеславянском языке поясняется как ‘нечто, получившее (новый) облик или определенный вид’ (Черных, 1993, с. 588). Поскольку значение глагола *разить* включает семантический компонент ‘подвергать разрушающему воздействию, деформировать’ (ср. *поразить, сразить*, а также *разразиться, выразить*, указывающие на преодоление субстанцией внешнего ограничительного контура вовне либо внутрь объекта – *заразить*), следовательно, *образ* – результат *ображения*, то есть процесса внешнего воздействия на некоторый материал, оставляющего в нем след. Материал этот – психика, воспринявшая внешний сигнал, а след (образ) – познавательный (cognitive) результат, опирающийся на перестройку нейронных связей.

Этимологию, возводящую *образ* к глагольным корням *раз-/рез-*, дает и словарь А.Г. Преображенского, в котором словарная статья *образ* включает диалектное севское (Брянская обл.) слово *образить* – ‘привести в надлежащий вид’ (Преображенский, 1910–1914, с. 630–631).

Значение слова *образ*, употребление которого в истории русского языка иллюстрируется примерами из письменных памятников, И.И. Срезневский представил в своем словаре через отдельные, но близкие смыслы:

- вид, образ (μορφή [morfe], εἶδος [eidōs]);
- вид, подобие;
- призрак;
- изображение (εἰκόνας [eikonas], imago);
- икона, образ (εἰκόν [eikon]);
- образец, пример (ὑπόδειγμα [hipodeigma], τύπος [tipos]);
- знак, символ;
- чин, сан (μορφή [morfe]);
- способ, образ (τρόπος [tropos], modus);
- форма (τύπος [tipos]);
- естество;
- грамматический термин (Срезневский, 1902, стб. 539–542).

Стоит обратить внимание на то, что **образ** как форма противопоставляется **веществу** как содержанию в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (СПб., 1835–1841) и противопоставляется **духу** в «Истории философских систем» А.И. Галича [Веселитский, 1972, с. 246].

Все представленные в словаре И.И. Срезневского лексико-семантические варианты слова тесно связаны как друг с другом, так и с семантическим инвариантом – внутренней формой слова. Не менее существенны для понимания *образа* связи этого слова с греческими словами максимально абстрактного философского содержания и при этом столь же конкретными, как и славянское *образ*: *идея, икона, символ, тип, троп*. Латинские слова *forma, figura, imago, modus* и их производные тоже выражают широкий круг смежных смыслов, соорганизованных друг с другом и с ядерными значениями своих корней.

Сходной системой значений обладают и греческие эквиваленты слова *образ* – *τύπος* [típos], заимствованный русским языком в значении ‘тип, вид, разновидность’, и *εἶδος* [eidos], заимствованный в значении ‘идея’. В древнегреческом же языке сформировались следующие значения:

τύπος (ῥ) ὀ

1) удар: τ. ἀντίτυπος [antitipos] (Геродот) удар и ответный удар;

2) знак, след (*τύποι πλεγῶν* [tipoi plegōn] – Плутарх): *τύποι σφενδόνης* [tipoi sfendonos] (Эврипид) отпечаток (оттиск) перстня; τ. τοῦ καυτήρος [t. tu kauteros] (Лукиан) выжженное клеймо; *τύποι γραμμάτων* [tipoi grammatōn] (Плутарх) письменные знаки, письмена;

3) резьба, резное (скульптурное) изображение: *αἰμασιῇ ἐγγεγλυμμένη τύποισι* [aimasie eggeglimmene tipoisi] (Геродот) ограда со скульптурными изображениями; *ἀσπίδος τύποις ἐπὶν γίγας* [aspidos tipois epen gigas] (Эврипид) на щите была вырезана фигура гиганта; *χρυσέων ξοάνων τύποι* [hriseōn ksoanon tipoi] (Эврипид) золотые изваяния;

4) форма или образец, тип: *τοῦ αὐτοῦ μετέχειν τύπου* [tu autu metekein tipu] (Платон) иметь ту же форму, относиться к тому же типу; *Ἴππομέδοντος μέγας τ.* [hippomedontos megas t.] (Эсхил) громадного роста Гиппомедонт;

5) очерк, очертания, общий вид (Исократ, Платон, Аристотель): *τύπῳ* [tipō] и *ἐν τύπῳ* [en tipō] (Платон, Аристотель) в общем виде, в форме наброска; *τύπον τινὰ λαβεῖν τινος* [tipon tina labein tinos] (Платон) постичь что-л. в общих чертах;

6) топот (*ἵππων* [hippon] (Ксенофонт)) (Дворецкий, 1958, т. 2, с. 1654–1655).

Однако смысловым эквивалентом славянского слова *образ* будет не только греческое *τύπος*, но и греческое *εἶδος*:

εἶδος, εὖς τό [*εἶδω]

1) вид, внешность, образ, облик (*εἶ τε μέγεθος τεεοικέναι τινί* [ei te megetos teoikenai tini] – Гомер): *εἶδεος ἐπαμμένος* [eideos epammenos] (Геродот) красивой наружности; *τὸ εἶ.* [to ei.] и *τὰ εἶδη* [ta eide] (Ксенофонт, Платон, Аристотель) видом, по виду, на вид; описательно: *εἶ.* Ἠλέκτρας [ei. Elektras] (Софокл) = Ἠλέκτρα [Elektra];

2) красивая наружность, красота: *εἶ. καὶ φρένες* [ei kai frenes] (Гомер) красота и ум;

3) вид, характер, род (*νόσου* [nosu] – Фукидид): *ἐν εἶδει τινός εἶναι* [en eidei tipos einai] (Платон) являться видом или разновидностью чего-л.; *τοῖς εἶδεσι διηλλαγμένα* [tois eidesi diellagmena] (Фукидид) разнородные вещи;

4) образ, способ: *ἐπὶ τοῦτο τὸ εἶ. τρέπεσθαι* [epi tuto to ei. trepestai] (Фукидид) прибегать к этому способу;

5) форма правления, государственный строй: *ἐναντίοι ὄντες τῷ τοιούτῳ εἶδει* [enantioi ontes to toiuto eidei] (Фукидид) будучи противниками этого политического режима;

6) лог. вид (*γένη καὶ εἶδη* [gene kai eide] – (Платон, Аристотель, Плутарх, Секст Эмпирик);

7) филос. (у Платона) эйдос, идея (*νοητὰ καὶ ἀσώματα εἶδη* [noeta kai asōmata eide] (Платон): *τὸ ἐπ’ εἶδει καλόν* [to ep eidei kalon] (Платон) эйдетическая (т. е. идеальная, абсолютная) красота;

8) филос. форма (*τὸ εἶ. καὶ τὸ παράδειγμα* [to ei. kai to paradeigma] – Аристотель) (Дворецкий, 1958, т. 1, с. 460).

Как и во внутренней форме славянского слова *образ*, в греческом языке исходным элементом семантической структуры многозначного слова *τύπος* является значение удара и, метонимически, производимого им следа, отпечатка, который для наблюдателя будет одновременно и знаком. По аналогии со словами *след* и *отпечаток* греческое *τύπος* обозначает резьбу, очертания предмета, а производным от естественного знака-отпечатка становится письменный знак.

Неслучайно слово *образец* (семантически соотносимое с четвертым значением греч. *τύπος* [tipos] ‘форма или образец, тип’)

в русском языке оказывается производным от слова *образ* с помощью суффикса *-еу*.

В лингвистике одним из ключевых понятий является **тип языка**, то есть некоторая форма, вид, разновидность или просто образ (точнее сказать, типичный образ, хотя в таком сочетании в плане внутренней формы будет некоторая избыточность) языкового устройства. Слово *тип* в русской научной, а затем и повседневной речи дало целый ряд производных прилагательных: *типичный, типический, типовой*.

В философии искусства образ осознается как **знак** идеи, то есть форма ее выражения. Идеи столь сложной, что иначе она не может быть выражена. В науке о литературе этот знак именуется не только славянским словом *образ*, но и словом греческого происхождения – *тип*. В таком обозначении обнаруживается, как можно предположить, антиномическая сущность искусства: нечто единичное, неповторимое отражает нечто типическое, уловленное художником, но еще не схваченное общественным сознанием. Искусство отражает, преобразует и предвосхищает действительность [Лапшин, 1923], но эти три функции искусства по отношению к действительности осуществляются не последовательно, а одновременно: искусство отражает действительность не буквально, фотографически, а преобразуя ее, обнаруживая в этом преобразовании ее ускользающую от иного взгляда суть, которой только предстоит воплотиться.

Типическое в искусстве выражает идею не повторяемости, а способности к обобщению – способности образа к обобщению часто разрозненных фактов действительности, сплавленных в целое уникальными ассоциациями художника: «...из звука рождается образ, так, как набор буквенных знаков, он выстроен звуком; он – новое качество суммы сырья: в химии сплава; он – типичен (в терминах прошлого); он – стилистичен (в терминах настоящего); и он не отчленим от образа мысли автора в той мере, в какой последний автором не “просвоен” насквозь (еще осознается) в деталях, адекватных деталям художественной организации, – что значит: автор мыслит необычно...» [Белый, 1996, с. 36].

Круг значений латинского слова *fōrma*, *ae* (f) совпадает с кругом значений славянского слова *образ*. *Fōrma* с высокой степенью веро-

ятности образуется нулевой суффиксацией от глагола *fōrmo, āvī, ātum, āre*, обнаруживающего значения:

- 1) придавать форму или вид, формировать, образовывать; приводить в порядок;
- 2) развивать, облагораживать, воспитывать;
- 3) приучать;
- 4) устраивать, организовывать;
- 5) делать, изготавливать, ваять, сочинять, строить, создавать;
- 6) воображать, представлять (Дворецкий, 1986, с. 333).

В русском языке эти же значения имеют глаголы, производные от слова *образ*:

образовывать – ‘обучать, воспитывать; создавать, организовывать’;

преобразовывать – ‘реформировать, реорганизовывать’;

воображать, соображать – внутренняя форма этих глаголов подразумевает ‘соединять, сопоставлять образы’.

Семантическая система латинского существительного *fōrma* подобна системе значений славянского *образ* и греческого *τύπος* [tipos]:

fōrma, ae (f)

- 1) форма, вид; образ, облик;
- 2) лицо, лик, обличье;
- 3) наружность, внешность;
- 4) красота;
- 5) изображение, рисунок, фигура, образ;
- 6) чертеж;
- 7) литера, рисунок буквы;
- 8) характер, устройство, организация, образ;
- 9) набросок, проект;
- 10) очерк;
- 11) явление, видение;
- 12) форма, чекан;
- 13) разновидность, вид;
- 14) *грам.* форма слова;
- 15) обрамление, рама;
- 16) *pl.* водопроводные трубы;
- 17) императорский указ (Дворецкий, 1986, с. 333).

Более узкие значения латинского слова объединены более общим ‘об-раз, о-черк, обрамление’. Таким образом, и в философии, и в повседневном языке лат. *fōrma* / слав. *форма* обозначает либо некий материальный объем, задающий границы субстанции, либо познава-

тельную модель (*idealized cognitive model* – термин англоязычной когнитивной лингвистики) для мыслимой субъектом сущности.

Производное существительное *form-ul-a* (с внутренней формой «маленькая форма», так как *-ul-* – латинский уменьшительный суффикс) также имеет первым значением ‘отличная форма’, а уже четвертым – хорошо известные нам математическое и юридическое ‘формула, форма, правило, предписание, норма, положение’ (Дворецкий, 1986, с. 333–334).

В русском литературном языке XVIII в. слова *образование*, *воображение* получают распространение как имена действия, обозначающие процесс создания мысленных образов, а потом и свойство психики. Наряду с этими именами употребляется заимствованное из латинского *имагинация*, иногда заменяемое русским *умоначертание* [Веселитский, 1972, с. 140].

«Словарь русского языка XVIII века» ставит первым значением слова *воображение* ‘придание определенного образа, вида, формы; создание, образование чего-либо’, наиболее близкое к значению мотивирующего слова *образ*, и далее – ‘2. действие по глаголу *вообразить*, *изображение*’, а уже затем основные для современного русского языка ‘3. *филос.* способность сознания воспроизводить мысленно воспринятое чувствами, хранящееся в памяти’ и ‘4. *филос.* создание новых представлений в уме на основе переработки имеющихся; фантазия’ (Словарь..., 1988, с. 60).

Тонкий наблюдатель В.В. Виноградов обратил внимание на то, что математики В.Н. Никитин (1737–1809) и П.И. Суворов (1750–1815) в книге «Евклидовы стихии» (СПб., 1789), предлагая заменить греко-латинскую геометрическую терминологию славяно-русской, посчитали слово *образ* подходящим для замены латинского термина *фигура* [Виноградов, 1999, с. 654]. Рассматривая историю лексики русского литературного языка в XVII–XIX вв., ученый объясняет значение слова *вообразить* / *воображать* (*воображение*), анализируя его морфемный состав: *во-образ-и-ть*. Следовательно, первоначальным значением слова было ‘дать образ чему-нибудь, нарисовать, изобразить, воплотить в образе чего-нибудь, осуществить’ [Виноградов, 1999, с. 752].

Значение глагола *воображать* в современном русском языке содержит такие смысловые компоненты:

‘включать образ в систему мыслительных представлений’;

‘мысленно **вос**производить невидимый объект (прообраз)’;

‘мысленно **вос**ходить к целой картине возможной действительности; видеть себя в некотором идеальном образе’.

У заимствованного из латыни в русский литературный язык слова *форма* расширенно-переносные значения развиваются постепенно как контекстуальные значения, часто по аналогии с переносными значениями латинского слова – ‘правило, образец’, ‘модель, фигура’, ‘чекан для монет’, ‘способ правления’, ‘вид, тип предмета’ (*формы природы, формы пространства, формы поэзии, формы деятельности, формы новой жизни*). «Как парная параллель к слову *форма* в XVIII в. в сходных, особенно отвлеченных контекстах выступает *образ*» [Веселитский, 1972, с. 206].

Если образы сохраняют в себе **отраженно** некоторые свойства объектов действительности, то логично предположить, что сопоставление образов между собой может в определенной мере заменить сопоставление их праобразов, то есть может заменить сопоставление тех частей отражаемых объектов, характеристикам которых эти образы уподобляются.

Так, Г.П. Мельников подчеркивает первичную роль праобраза в процессе отражения, который приводит к возникновению следа в отражающем объекте.

Сам же процесс отражения, результатом которого будет образ, Г.П. Мельников называет *отображением*. В свете такого рассуждения *отображение* понимается как вид отражения – такой, результатом которого станет образ. В формировании терминологической системы, в соотношении содержания единиц которой раскрывается теория Г.П. Мельникова, в полной мере проявляется тенденция к сужению или уточнению содержания терминологического слова при увеличении состава морфем: *от-об-ражение* – *от-ражение*. Опора на словообразовательные связи слов – как в плане их внешней, так и внутренней формы (то есть мотивирующего значения, служа-

щего намеком на новый смысл) – является характерным способом выстраивания научной терминологии в системологии Г.П. Мельникова: наряду с терминами *образ*, *праобраз*, он вводит *прообраз* – «анцитипативный компонент образа» [Мельников, 1978, с. 107] и *сообраз* – «абстрактная психическая единица, которая содержится в психике многих индивидов с высокой степенью взаимного подобия» [Мельников, 1977, с. 70].

Слово *отражение*, сохраняя исторически старшее значение (*отражение атаки, нападения*) в современном русском литературном языке, обладает устойчивой целостной системой тесно связанных значений, взаимные переходы между которыми малозаметны для обыденного сознания. В «Большом универсальном словаре русского языка» словарная статья *отражение* включает 6 основных значений:

- 1) отражение нападения, удара, атаки;
- 2) отбрасывание света, звука от какой-либо преграды в обратную или другую сторону;
- 3) *изображение*, воспроизведение на гладкой, блестящей поверхности кого-(чего)-либо;
- 4) проявление внутреннего состояния в *выражении* глаз, лица, в положении тела и т. п.;
- 5) воспроизведение в чем-либо чего-либо реально существующего;

б) центральное понятие философии диалектического материализма, согласно которому *образы* психики и сознания являются воспроизведением объективной реальности (Морковкин, Богачева, Луцкая) (здесь курсивом нами выделены слова, родственные слову *отражение*. – О. В., М. Р.).

В «Новейшем философском словаре» понятие отражения раскрывается только как категория познания: «ОТРАЖЕНИЕ – категория гносеологии, выступающая в качестве фундаментальной для материалистической традиции когнитивного оптимизма. О. характеризует способность материальных объектов в процессе взаимодействия с другими объектами воспроизводить в своих изменениях некоторые особенности и черты воздействующих на них явлений. Тип, содержание и форма О. определяются уровнем и особенностями системно-структурной организации отражающих объектов, а также способом их взаимодействия с отражаемыми явлениями» [Петушкова, 1998,

с. 501]. Г.П. Мельников, характеризуя отражение как «процесс изменения любых состояний одного объекта как следствие воздействия на него другого объекта» [Мельников, 1978, с. 95], подчеркивает его (отражения) онтологический, то есть независимый от сознания и воли человека, характер в материальной и нематериальной действительности.

Образ как основная единица мышления в системологической теории отражения

Психические единицы, которые обеспечивают мышление, обладают многими характеристиками, аналогичными и подобными характеристикам объектов внешнего мира, несмотря на различие субстрата психических единиц и отражаемых объектов. Другими словами, эти психические единицы имеют образную природу.

В мышлении *образ минимального знака*, имеющий значение, является *морфемой*, или *внешней формой* этого значения. Этот образ будет *обратимым*, поскольку знак, который он отражает, может и опознаваться человеком (субъектом), и воспроизводиться. И будет социальным, то есть принятым в определенной группе субъектов.

Необязательность тождества субстанции отражаемого и отражающего объектов, проявляющаяся при отражении действительности психикой человека, оказалась принципиальной и для кибернетики, проблемами которой занимался Г.П. Мельников, потому что подтверждала возможность имитации самых разных процессов, в том числе биологических, на неорганических субстратах технических устройств.

Необходимо отметить, что Г.П. Мельников различает результаты спусковых деформаций (первичных, в виде следа, вне рассмотрения его структуры) и антиципативных (предвосхитительных, опережающих) вторичных деформаций:

Косвенный след спускового воздействия он называет *последствием*, а *образом* – суммарный результат прямой и антиципативной деформации.

Предвосхитительную (антиципативную) часть образа Г.П. Мельников, как мы уже отмечали, называет *прообразом*.

Это дополнительное подобие косвенного следа, обеспечиваемое вторичной деформацией, по сути, предвосхищает возможный прямой след отражающего объекта, если бы зона активной части отражаемого объекта была бы большей. Именно поэтому такой вид вторичной деформации Г.П. Мельников называет антиципацией – опережением, предвосхищением того, что произойдет при определенных условиях только в будущем [Мельников, 1978, с. 100].

Г.П. Мельников осмысливает понятие системы как телесный аналог диалектического понятия «сути дела». Такая конкретизация категорий материалистической диалектики позволила прийти к пониманию косвенного следа как способности всех телесных объектов к тому или иному уровню антиципации.

Возможность антиципативного отражения на физико-химическом уровне в объектах реальной действительности расценивается Г.П. Мельниковым как свойство материи, родственное ощущению, или по крайней мере как обязательное условие возникновения способности к ощущению и другим более высоким формам отражения. Так, ощущение понимается как одна из форм отражения.

Инженеры, решая языковые проблемы кибернетики, ищут, как технически передать мыслительное содержание с помощью условных знаков.

Эти поиски были бы невозможными, если бы не было доказано, что такие невысокие уровни отражения, которые использует кибернетика, как особая реакция на различные физические характеристики объекта, обучение распознаванию этих объектов и др., опираются в технических устройствах на исходные свойства материи, живой и неживой, – ее способность к **ощущению**.

Вторичная деформация усиливает то подобие отражающего объекта отражаемому, которое выражалось в подобии характеристик прямого следа характеристикам активной части отражаемого объекта.

Антиципация схожа с косвенной деформацией при спусковых воздействиях в том, что:

1) антиципация протекает на основе энергии, запасенной отражающим объектом до его взаимодействия с отражаемым;

2) при антиципации уменьшается подобие отражающего объекта своему исходному состоянию.

Однако при антиципации степень подобия отражаемого и отражающего объекта возрастает благодаря возникновению косвенного следа, а при спусковом воздействии ограничивается первичным следом.

Эффективность антиципации можно оценивать по доле прироста подобия отражающего объекта отражаемому после антиципации *в сравнении* с подобием, возникающим только в результате прямого следа.

Эффективность универсальной, то есть не имеющей ограничений, антиципации зависит только от степени близости «внутреннего опыта» компонентов отражающего и отражаемого объектов [Мельников, 1978, с. 103], то есть от степени близости валентных особенностей этих компонентов и глубины ярусов, на которой эти компоненты остаются носителями близких сущностей.

Заметим, что предвосхитительные возможности художественных образов осознаются в философии искусства в несопоставимо большей мере, чем предвосхитительные возможности языковых явлений в языкознании.

Теория Г.П. Мельникова, вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ, различающая **смыслы** и **значения** как образы разных уровней, занимает ключевое в науке место в понимании сущности языка и мышления (см. об этом: [Бубнова, 2024; Дрёмов, 2020; Загуменнов, 2024; Крашевская, 2024; Липатова, 2016; Danylenko, 2018]).

Если **смыслы** – это **абсолютные** обобщенные образы, подобные у всех людей, независимо от их языка и культуры, поскольку они отражают существенные свойства действительности, то **значения** – это **относительные** обобщенные образы, удобные для **намекания** на смыслы именно в определенных условиях. Поэтому одни и те же абсолютные образы как единицы смысла у различных народов, живущих и общающихся в разных условиях, выражаются в языке – через значения и знаки – по-разному [Мельников, 1980, с. 70].

С.Ю. Преображенский раскрывает особенность понимания Г.П. Мельниковым связи между знаком и значением, которая материализуется в намеке, основанном на мотивировке:

«в основе любого отражения, формирующего реакции субъекта на “среду”, лежит деформация (простейший вид материального контакта). Схема наглядно показывала, как деформация превращается в зрительное восприятие. Далее формируется образ» [Преображенский, 2016, с. 307].

Говорящий, желая сообщить определенный смысл, подбирает, по большому сродству, такое значение, которое с достаточной очевидностью для воспринимающего намекало бы в данной ситуации на этот смысл. Вообразив значение, говорящий уже тем самым устанавливает, каким знаком это значение можно передать.

И наоборот. По знаку мы узнаем значение. По значению – догадываемся о смысле. Восприняв знак, слушающий сразу узнает значение. Но поняв – независимо от ситуации – значение, он уже должен учесть ситуацию и догадаться, на какой из многих возможных смыслов намекает это значение в этом коммуникативном акте. В психике воспринимающего будет возбужден тот смысл, который – именно в данной ситуации – вступает в ассоциацию по большому сродству со значением.

Если между значением и определенным смыслом устанавливается ассоциация – с учетом контекста – по большому сродству, то между значением и знаком возникает условная связь как результат ассоциации по смежности, когда возбуждение одного образа приведет к возбуждению другого образа независимо от того, сходны эти образы или различны [Мельников, 1980, с. 37].

Чтобы знаки были средством намека на смыслы с помощью своих значений, необходимо, чтобы у субъектов, которые общаются с помощью этих знаков, и обобщенные образы знаков, и обобщенные образы значений были в высокой степени подобными. Чтобы они стали подобными, нужно, чтобы субъекты достаточно долго использовали эти знаки при взаимном общении. Только при этом условии любые расхождения в образах знаков и образах значений будут обнаружены и подсознательно исправлены, взаимоуподоблены, а значит, знаки вместе с их значениями станут социальными [Мельников, 1980, с. 53].

Основу специализации отображений составляет возможность возникновения таких деформаций, которые оказываются на грани

упругих и неупругих (спусковых и неспусковых). В результате в этих деформациях будут сочетаться свойства *однократности и многократности отображения, независимости внутренних деформаций отражающего объекта и их обусловленности характеристиками отражаемого объекта.*

Промежуточные виды деформации возможны в адаптивных системах, к которым относится и язык.

Если отражаемый объект оказал воздействие на отражающий объект, но время воздействия было таким, что глубинная адаптация отражающего объекта началась, но не была доведена до уровня, достаточного для того, чтобы – после окончания воздействия – прямой след на верхних уровнях полностью сохранился, то в этом случае можно говорить об упругой деформации.

Если глубинная адаптация частично сохраняется после исчезновения прямого следа, а активный объект снова воздействует на отражающий объект, то отражающий объект – благодаря остаточной глубинной адаптивности – будет в большей степени, чем при первом воздействии, предрасположенным к антиципации, потому что при последующих воздействиях для возникновения антиципации потребуется либо меньшая интенсивность воздействия, либо меньшая величина проработки следа при той же величине или глубине образа [Мельников, 1980, с. 109]. Эта повышенная способность к отображению для одного и того же проработки образа или для достаточно подобных проработок будет с каждым разом, до некоторого предела, усиливаться. Такой факт Г.П. Мельников понимает как формирование *интенционального следа*, а не только уже существующего, экстенционального в ходе взаимодействия с проработкой. Вариативные возможности языковой системы в определенной степени не только отражают, но и предвосхищают восприятие действительности.

Если после определенного прямого воздействия эти интенции приведут к антиципации и возникновению образа, то на их возникновение будет затрачена некоторая внутренняя энергия и субстанция отражающего объекта. Такая *антиципация будет однократной или многократной* в зависимости от того, превратится ли этот образ в остаточную дефор-

мацию или – благодаря притоку энергии – отражающий объект сможет восстановить свое исходное состояние.

Отражающий объект подобен отражаемому объекту и самому себе:

– подобен отражаемому объекту, потому что прямой след (даже если это механическая вмятина) имеет некоторые свойства активной части отражаемого объекта;

– подобен самому себе, потому что первичный след может стать активным *внутренним фактором вторичной деформации* отражающего объекта.

Так, Г.П. Мельников различает внешний фактор (след) и внутренний (вторичную и дальнейшие деформации).

Вторичная деформация тоже может оказаться активным внутренним фактором и т. д.

Первичная деформация тогда рассматривается как спусковое воздействие для цепи (в том числе лавинообразной) изменений.

Когда возможны многоступенчатые и лавинообразные вторичные деформации отражающего объекта?

При наличии *резервов внутренней энергии*.

Резервы внутренней энергии Г.П. Мельников понимает как *аккумуляцию* (накопление) *субстанции связей*. Напомним, *связь в теории Г.П. Мельникова – ограниченное* (имеющее границы) *нарушение границ между частями объекта* (его элементами).

А поскольку все связи и взаимодействия Г.П. Мельников истолковывает как *потoki* субстанции связей, то *накопление субстанции связей* предстает в виде циркулирования внутренних замкнутых потоков, а *освобождение внутренней энергии* – как размыкание внутренних потоков, их вмешательство в другие потоки связи и изменение структуры других потоков.

Связь между образами – ассоциация. Образная природа всех уровней отражения, включая самые абстрактные, обеспечивает возможность психических единиц вступать в *ассоциации по сходству*. Этим достигается универсальность языка [Мельников, 1980, с. 656].

Выводы

Результаты анализа семантической структуры многозначных слов *образ, форма и тип* в русском и их эквивалентов в древнегреческом

и латинском языках доказывают, что переносные (точнее сказать, производные) значения этих слов представляют собой не набор случайных лексико-семантических вариантов, а объективно аргументированную семантическую систему, отражающую сущностные отношения в самом устройстве мира. Такая система может самостоятельно развиваться по единому принципу в нескольких языках.

Сопоставление семантики ряда соотносимых лексических единиц естественных языков (*образ, форма, тип*) с понятийным содержанием терминов системной лингвистики позволило установить, во-первых, мотивированность производных значений в полисемичных лексемах и словообразовательных связей в соответствующих гнездах, во-вторых, системность подхода Г.П. Мельникова к выстраиванию научной терминологии: основоположник современной системной лингвистики учитывал этимологию и внутреннюю форму слова при включении его в систему терминов. В такой системе научных понятий их знак – термин – перестает быть условным знаком и становится внешним образом своего содержания, а семантический потенциал языковых словообразовательных связей эффективно используется для экспликации понятийных полей науки в ее терминологической системе.

Семантическая связь образа и отражения, ее сущность как деформации воспринимающей системы под некоторым внешним воздействием воплощается как в семантической структуре многозначного слова, так и в научной теории – системологической трактовке образа в трудах Г.П. Мельникова. Такой параллелизм подтверждает справедливость мысли ученого о том, что открытая внутренняя форма может быть не недостатком, а достоинством научного термина, поскольку поддерживает или деятельно формирует намек на содержание сообщения и способствует достоверному восприятию этого намека собеседником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый А., 1996. Мастерство Гоголя : Исследование. М. : МАЛП. 351 с.
- Бубнова Н. А., 2024. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория

- языка. Семиотика. Семантика. Т. 15, № 1. С. 38–50. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>
- Валентинова О. И., Загуменнов А. В., 2023. Словарная статья как текст: опыт филологической герменевтики // Филологический класс. Т. 28, № 4. С. 310–322. DOI: <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322>
- Веселитский В. В., 1972. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М. : Наука. 320 с.
- Виноградов В. В., 1999. История слов. М. : Ин-т рус. яз. РАН. 1138 с.
- Дрёмов А. Ф., 2020. Структура и этапы простейшего коммуникативного акта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 04/2. С. 144–148. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.04-2.16>
- Загуменнов А. В., 2024. Контекстное окружение с корнями *благодест-* в сочинениях протопопа Аввакума: поиски прецедентного и новаторского // Вестник Кузбасской православной духовной семинарии. № 4 (19). С. 114–122. DOI: https://doi.org/10.56859/29490847_2024_4_114
- Карасик В. И., Лешутина И. А., 2024. Словарь культурной грамотности носителей русского языка как лингвокультурный проект // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 5 (1). С. 72–78. DOI: 10.20339/PhS.5.1-24.072
- Крашевская Н. В., 2024. Системная лингвистика – лингвистической дидактике // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 5 (1). С. 24–33. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.024>
- Лапшин И. И., 1923. Эстетика Достоевского. Берлин : Обелиск. 101 с.
- Липатова Т. В., 2016. Смыслообразование и функциональная мотивированность семантики единиц языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 1. С. 25–31.
- Мельников Г. П., 1980. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979–1980). М. : УДН. 239 с.
- Мельников Г. П., 1991. Основы терминоведения. М. : УДН. 116 с.
- Мельников Г. П., 1973. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М. : Наука. С. 183–204.
- Мельников Г. П., 1978. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Сов. радио. 368 с.
- Мельников Г. П., 1977. Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики // Словообразовательные семантико-синтаксические процессы в языке : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГУ. С. 64–92.
- Петушкова Е. В., 1998. Отражение // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В.М. Скакун. С. 501.
- Преображенский С. Ю., 2016. Системный анализ стиха // Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : ЯСК. С. 303–376.
- Danylenko A., 2018. Complexity, Development and Simplification in Systemic Typology: Types of Changes in the Internal Determination // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracaviensis. № 135. P. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.4467/20834624SL.18.010.8469>

СЛОВАРИ

- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : Около 70 000 слов (в обоих томах) : в 2 т. М. : ГИС, 1958. Т. 1. 1043 с. ; Т. 2. 1044–1904 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : Около 50 000 слов. М. : Рус. яз., 1986. 840 с.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=отражение&mode=slovari>
- Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. 674 с.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. : Наука, 1988. 257 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2. Л–П. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1902. 1802 стб.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1993. 693 с.

REFERENCES

- Belyy A., 1996. *Masterstvo Gogolya: Issledovanie*. [Gogol's Mastery: A Study]. Moscow, MALP. 351 p.
- Bubnova N.A., 2024. *Mehanizmy ponimaniya: teoriya mnemy N.A. Rubakina* [Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 15, no. 1, pp. 38–50. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

- Valentinova O.I., Zagumenov A.V., 2023. Slovarnaya statya kak tekst: opyt filologicheskoy germeneytiki [Dictionary Entry as a Text: An Experience of Philological Hermeneutics]. *Filologicheskij klass* [Philological Class], vol. 28, no. 4, pp. 310-322. DOI: <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322>
- Veselitskiy V.V., 1972. *Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v.* [Abstract Vocabulary in the Russian Standard Language of the 18th – Beginning 19th Century]. Moscow, Nauka Publ. 320 p.
- Vinogradov V.V., 1999. *Istoriya slov* [The History of Words]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN. 1138 p.
- Dryomov A.F., 2020. Struktura i etapy prostejshego kommunikativnogo akta [The Structure and Stages of an Elementary Act of Communication]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], no. 04/2, pp. 144-148. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.04-2.16>
- Zagumenov A.V., 2024. Kontekstnoye okruzeniye slov s kornyami blagochest- v sochineniyah protopopa Avvakuma: poiski pretsedentnogo i novatorskogo [The Contextual Environment of the Words with the Root of Blagochestin the Writings of the Archpriest Avvakum: The Search for Precedent and Innovation]. *Vestnik Kuzbasskoy pravoslavnoy duhovnoy seminarii* [Bulletin of Kuzbass Orthodox Theological Seminary], vol. 19, no. 4, pp. 114-122. DOI: https://doi.org/10.56859/29490847_2024_4_114
- Karasik V.I., Leshutina I.A., 2024. Slovar kulturnoy gramotnosti nositeley russkogo yazyka kak lingvokulturnyy proekt [Dictionary of Cultural Literacy of Russian Speakers as a Linguocultural Project]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 5 (1), pp. 72-78. DOI: [10.20339/PhS.5.1-24.072](https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.072)
- Krashevskaya N.V., 2024. Sistemnaya lingvistika – lingvisticheskoy didaktike [From System Linguistics to Linguistic Didactics]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 5 (1), pp. 24-33. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.5.1-24.024>
- Lapshin I.I., 1923. *Eстетика Достоевского* [The Aesthetics of Dostoevsky]. Berlin, Obelisk Publ. 101 p.
- Lipatova T.V., 2016. Smysloobrazovaniye i funktsionalnaya motivirovannost semantiki yedinita yazyka [The Formation of Meaning and Functional Motivation of Language Units' Semantics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], no. 1, pp. 25-31.
- Melnikov G.P., 1980. *Konspekt lektsiy po kursu «Vvedeniye v yazykoznaniiye» (1979–1980)* [Lecture Notes for the Course “Introduction to Linguistics” (1979–1980)]. Moscow, UDN. 239 p.
- Melnikov G.P., 1991. *Osnovy terminovedeniya* [Fundamentals of Terminology]. Moscow, UDN Publ. 116 p.
- Melnikov G.P., 1973. Sistemnyy podhod v lingvistike [Systemic Approach in Linguistics]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik 1972* [Systemic Research. Yearbook 1972]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-204.
- Melnikov G.P., 1978. *Sistemologiya i yazykovye aspekty kibernetiki* [Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics]. Moscow, Sov. radio Publ. 368 p.
- Melnikov G.P., 1977. Skrytaya smyslovaya derivatsiya s pozitsiy sistemnoy lingvistiki [Hidden Semantic Derivation from the Standpoint of Systemic Linguistics]. *Slovoobrazovatelnye semantiko-sintaksicheskiye processy v yazyke: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Word Formation: Semantic-Syntactic Processes in Language. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm, PGU, pp. 64-92.
- Petushkova E.V., 1998. Otrazhenie [Reflection]. Gricanov A.A., ed. *Noveyshiyy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Izd. V.M. Skakun Publ., p. 501.
- Preobrazhenskiy S.Yu., 2016. Sistemnyy analiz stiha [The Systemic Analysis of Verse]. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskiy S.Yu., Rybakov M.A. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli* [The Systemic View as a Basis for Philological Thought]. Moscow, YaSK Publ., pp. 303-376.
- Danylenko A. 2018. Complexity, Development and Simplification in Systemic Typology: Types of Changes in the Internal Determination. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracaviensis*, no. 135, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.4467/20834624SL.18.010.8469>

DICTIONARIES

- Dvoretzkiy I.H. *Drevnegrechesko-russkiy slovar: Okolo 70 000 slov (v oboih tomah): v 2 t.* [Ancient Greek – Russian Dictionary: About 70,000 Words (In Both Volumes). In 2 Vols.]. Moscow, GIS Publ., 1958, vol. 1. 1043 p.; vol. 2. 1044-1904 p.

Dvoretzkiy I.H. *Latinsko-russkiy slovar: okolo 50 000 slov* [Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1986. 840 p.

Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutsкая N.M. *Bolshoy universalnyy slovar russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=otrazhenie&mode=slovari>

Preobrazhenskiy A.G. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. T. 1. A–O* [Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. A–O]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1910–1914. 674 p.

Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Вып. 4* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. Iss. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 257 p.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. V 3 t. T. 2. L–P* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments. In 3 Vols. Vol. 2. L–P]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1902. 1802 col.

Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1993. 693 p.

Information About the Authors

Olga I. Valentinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University, Moscow, Russia, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Mikhail A. Rybakov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University, Moscow, Russia, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Валентинова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, ovalentinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Михаил Анатольевич Рыбаков, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, rybakov-ma@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9444-3889>